

Часть 11. «Запомни, Миша...»

Утренняя прохлада понемногу стала отходить. День просыпался. Легко вздохнув, проснулся и юго-западный ветерок. Пока было тихо. Непривычно и настораживающе. Только где-то далеко на другом конце города, видимо в Ленинском микрорайоне, несколько раз глухо бухнуло, да еле различимо на грани слышимости прострелкотали очереди пулемётов. В воздухе чуть пахло гарью.

«Припозднились что-то сегодня. Как бы с горячим завтраком не «пролетели», - думал Вадим, беспокоясь, конечно, больше не о еде, а о самой группе дозора, что ушла под утро за «железку» в сторону Варницы и почему-то долго не возвращалась.

Все ждали. Хотя особо и не волновались – с той стороны не слышали ни единого выстрела, да и на рассвете парни уже дважды выходили на связь. Слышимость была довольно плохой, и если уж честно сказать, то весьма хреновой – мало того, что группа была почти на пределе дальности действия тех, по случаю раздобытых, радиостанций, которые используют на железной дороге сцепщики вагонов, так еще и Борис, по понятным причинам, говорил кратко и в полголоса... Его сообщения о передвижениях техники в районе села Варница и в стороне Гербовецкого леса Вадим сразу же передавал в штаб сотни, или как его называли официально, ПКП – полевой командный пункт, уютно расположившийся в привокзальном кафе «Тигина». А уж оттуда посредством единственной на всю сотню радиции Р-105 эта информация отправится дальше «наверх» - в штаб обороны города или в Тирасполь...

- «Филин»! «Филин», я «Шатун». Ответь! Прием, - послышался наконец-то сквозь хрип и шорох эфира голос Будунова.

Вадим быстро схватился за тангетку микрофона, и громко, торопливо выпалил в эфир: – «Шатун»! Я «Филин»! Слышу тебя хорошо! Вы где?

- «Филин», я «Шатун». Скажи второе слово. Первое: «Бирюса». – Так дозор обезопасил себя, запрашивая отзыв на пароль сегодняшнего утра.

- «Шатун», второе слово: «Братск», - ответил Вадим. – Как у вас? Вы где?

- Без сюрпризов. Но новости есть. Идем «домой». Заходить будем со стороны «Табуретки». Запроси у «Тигины» «чистую дорогу». Прием...

«Табуреткой» условно прозвали мебельную фабрику, недалеко от которой и была «база» группы.

Уже минуты через три штаб ответил, что там стоит «Транзит», он предупрежден о выходе на него дозора иркутян, о чем Вадим и сообщил Борису.

«Транзитом» был БТР, брошенный полностью исправным в панике убежавшими румынами, когда казаки и гвардейцы ворвались в Бендеры. На борту его тогда красовалась аккуратно выведенная белой краской латинскими буквами надпись: «KISHINEU» (столица Молдовы). А кто-то из казаков, хохмы ради, такой же белой краской дописал три слова и получилось: «Бендеры – KISHINEU – BUHAREST – транзит»...

Дозор вернулся, в пыльной и испачканной зеленью сочной травы одежде, уставшим и голодным. Тяжелый взгляд, некая раздраженность. Но не от банальной невыспатости. Здесь иное, и к этому стали привыкать. Борис как-то сам, подметив это, сказал Вадиму, что каждый раз по возвращении с «ночного» парни приходят на базу уже другими. Даже если ночь была спокойной и «отработали» без происшествий. Чуть-чуть, но другими. Не такими как были перед закатом. Не внешне, конечно. И он был прав, Вадим вскоре это заметил. Образно говоря, день изо дня и из ночи в ночь души их, будто слой за слоем, покрывались каким-то, пусть тонким, но жестким налётом, как хитиновым панцирем. Это по сравнению с первыми днями...

Парни только лишь отряхнулись, да успели бросить себе на пыльные, будто присыпанные желто-серой пудрой лица по пригоршне воды, как тут же пошли в «Тигину» на завтрак и на доклад Притуле. С ними пошел и Вадим. По дороге Борис вкратце рассказал, почему задержались. В пятом часу утра, в разгар «собачьей вахты», когда веки слипаются и нестерпимо клонит в сон, услышали вдруг приближающийся звук моторов – и сон как рукой смахнуло! И тут же, чуть поодаль слева с надсадным урчанием подъехали и остановились два БТРа-«семидесятки» – поняли: невзначай попали в «вилку»! Напрямую обратно к «базе», как шли сюда, пройти тоже уже не могли – обстановка на маршруте за каких-то пару часов резко изменилась: у дороги в зоне прямой видимости стояли два

ГАЗ-66 с тентами, из которых выгружали и складывали штабелем какие-то ящики. А невдалеке, в саду среди деревьев – зеленый автобус «КАВЗ», явно штабной, за которым вооруженные люди устанавливали, как поняли, какую-то радиоаппаратуру и поднимали мачту антенны. Боря был страшно зол – предрассветное марево и легкий утренний туман даже в бинокль не дали рассмотреть всё точнее. То, что это «румыны», казаки не сомневались – в предутреннее время даже шепот слышен четко, а те вояки явно говорили то ли по-молдавски, то ли на румынском. Решили судьбу не испытывать – «сваливать надо!» И уже почти у самого «дома» опять чуть было не нарвались на хорошо замаскированную засаду «румын» с «крупняком» в окопчике. Чуть ли не в голос сказали: сами понять не могут, когда её там успели поставить, и как они не нарвались на эту засаду по темноте? – знать Господь сберег! Вот и пришлось им делать изрядный крюк по огородам.

Сотника Притулы на месте не оказалось – ушел на вокзал, там тоже группа с «ночного» из-за виадука пришла. Не сидеть же во двореке, дожидаясь его – спустились на кухню, находившуюся в полуподвале, пожевать чего-нибудь горяченького... Минут через десять туда вошел «Миксер»:

- Ага, вы здесь... Ну, как «отработали»?

Борис, Иосиф и Саша Ивахно подробно стали рассказывать об увиденном за путями «железки», о маршруте своего выхода.

- Эт-то уже интересно... А ну-ка, пойдёмте наверх. На карте показать сможете? – спросил Притула, поднимаясь со стула.

Уже находясь в зале кафе, где собственно и располагался штаб, казаки услышали крики и тут же, через открытое окно увидели, как сидевшие у крыльца на лавочке сорвались с места и рванули на улицу. Вместе с сотником выскочили и иркутяне, побежали во двор стоящей рядом «пятиэтажки», где к штабу медленно шла группа казаков.

«Из рейда вернулись», - понял Вадим, узнав одного из них – молодого парня небольшого роста в «кирзачах» и неизменном армейском «п/ш» под ремень – тираспольского казака и лихого разведчика сотни Володю Мясина.

...Он тяжело шел под грузом трех, висевших на плечах, автоматов и пары «Мух», придерживая пошатывающегося, сильно хромящего коренастого кубанского казака в камуфляжном комбинезоне. Было видно, что каждый шаг тому дается с нестерпимой болью, казалось, еще миг и он завалится, своей массой увлекая за собой и Мясина.

- Иосиф! – крикнул на бегу Вадим Брагиновичу. - Давай назад! «Лекаря» вызывай! Срочно! Таню сюда!... – и увидел, что следом за Мясиним двое казаков на импровизированных носилках – двух накрест сложенных досках несут еще одного - в сплошь окровавленной «камуфляжке»...

«Разведка своих не оставляет! Возвращаются либо все, либо никто!» – таков закон разведки. Убитых и раненых – на себе. Это закон совести и боевого братства.

Со ступенек высокого крыльца кафе бегом уже спускалась Татьяна – их кубанская «сестричка». Подбежав к Мясину, подхватили под руки кубанца, весь «комбез» которого сзади – от икр до лопаток, был в кровавых лохмотьях.

- На стол его! На живот! Быстро! – крикнула Татьяна и подбежала к другому.

Глухой, по-волчьи протяжный вой раздался за спинами казаков, уносивших раненого. Вадим оглянулся. Он понял, что тому, кого несли, помощь уже не нужна... Стоя на коленях над окровавленным телом, Татьяна, запрокинув голову и закрыв лицо руками, глухо выла...

- С одной станицы они... одноклассники, - тихо сказал, как выдавил из себя, раненый кубанец, когда, занеся в кафе, его уже укладывали на стол. - Глупо влипли, за общагами во дворе... на растяжки попали... не заметили. Так глупо!..

«Обретый душу свою погубит ю: а иже погубит душу свою Мне ради, обрящет ю...»

- ...Возьми-ка выпей! – сказал раненому скоро примчавшийся Лекарев. Он сидел на корточках перед столом, придерживая высокий стакан, доверху наполненный коньяком «Белый аист», несколько ящиков которого стояли здесь же, как НЗ для таких вот случаев. Тот аист, ставший эмблемой «Молдвинпрома» и маркой коньяка, тоже был спасителем воинов – защитников независимости. По древнему молдавскому преданию он спас от голода и жажды гарнизон осажденной турками крепости, принося им виноград.

- ...Анестезия – всё пей! До дна. Поможет. И сам мне помоги – потерпи немножко... Матерись, но терпи!

С этими словами Славка, аккуратно срезав ножницами со спины – от шеи до кроссовок – лохмотья комбинезона, остаток коньяка из бутылки вылил ему на окровавленное тело.

- Ну, паря, тебе все-таки здорово повезло, - не обратив внимания на вырвавшийся стон, сказал Лекарев, внимательно осматривая спину, и хмуро добавил: - Это эРГэшка была...

*«Ручная граната РГ-42, имеющая корпус не округлой, а цилиндрической формы, более мощная, чем широко распространённая РГД-5. Эти гранаты были поставлены из Румынии в Молдову для вооружения национальной армии. Ценились за большое количество даваемых при взрыве осколков, и за возможность увеличить это количество путём обматывания рубленой проволокой, или изолянтной, прихватывающей к корпусу гранаты гвозди, болты, гайки...» [*18].*

Казаки стоявшие рядом, увидели, что из спины рядом с позвоночником, застряв между ребрами, торчит довольно-таки большой рваный кусок жестианки, срезавший приличный шмат кожи и мяса. Много мелких осколков посекло спину, поясницу, ягодицы, ноги. Часть из них торчали...

- Эко ж тебя, брат... - взглянув на это, поражённо выдохнул Иосиф. А увидав, как Славка из санитарной сумки уже достал свою заветную блестящую коробочку с медицинскими инструментами, скляночками, тампонами, умоляюще сказал: - Ты уж потерпи, браток, сейчас немного больно будет...

- Пока ничего страшного, командир. Но в госпиталь его надо обязательно. Машину вызвал уже? – спросил «Лекарь» вошедшего сотника, и тут же попросил: - Будь ласков, позови всё ж Танюшу, а то мне не с руки сейчас будет одному...

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 1 июля 1992 г.

...«01.10. Перестрелка в районе железнодорожного вокзала Бендеры-1.

02.00. Пожар в административном корпусе биохимзавода.

13.05. С фабрики «Флоаре» подразделения Молдовы вывозят сырьё, кожу.

14.30. Горят общежития мясокомбината и обувной фабрики.

15.08. На пектиновый завод прибыло пять БТР.

17.18. В пионерлагере «Юность» ОПОН разворачивает госпиталь.

18.45. Перестрелка в районе строящейся новой школы по ул. Калинина.

19.10. Обстреливается м/р-н «Солнечный».

19.17. В районе м/р-на «Северный» недалеко от войсковой части идет бой.

19.30. Обстрел кинотеатра им. Горького.

20.25. В районе м/р-на «Северный» из газонаполнителя идет утечка газа.

21.31. Обстрел улиц Суворова, Калинина, Первомайской.

*22.30. По позициям казаков (ж.д. вокзал Бендеры-1) ведется минометный огонь»... [*1].*

Когда «полстатретий» «ГАЗ»ик с Татьяной и Славкой увез в Тирасполь кубанцев – раненого и погибшего, Притула, сидя на ступеньке крыльца, стал расспрашивать Мяси́на, как, что и где это произошло.

- За разбитой «общагой» у частного сектора, вот здесь, - немногословный Мяси́н, открыв планшет, показал на развернутой карте, - мы обнаружили вечером новую позицию «румын» – заслон. Их там было человек двенадцать-пятнадцать. Волонтеры и пара полицейских. БэТэР у них, один – «восьмидесятка». В саду стоит. Вот в этом дворе, - Володя опять показал пальцем на карте. – Окопы рыли. Сигналили из домов стариков с лопатами. Но с них толку мало. Пригнали, кто моложе. С улицы хватали. Те под стволами и копали. А волонтеры, с-суки, стояли рядом и ржали. В домах нашли бутылки с вином, пили из горла. Метров семьдесят до них, нам хорошо было видно. Гаркнут что-то по-румынски копающим, дадут очередь у них над головами и ржут, гады! Шутили они так. [*1]. Мы не могли стрелять. В сумерках зацепили бы кого из землекопов. Да и позиция у нас была невыгодная... Уже почти ночью мужиков отпустили. По этой дороге за это время вот сюда, - Володя провел по карте пальцем, - прошло пять автобусов – полные, их два БэТэРа сопровождали, видимо, новички на «вахту» прибыли.

Пока Володя рассказывал, Вадим посмотрел на Притулу, успел заметить, как в застывшем прищуре резко сузились зрачки его свинцовых глаз – он внимательно слушал, но и что-то уже просчитывал.

- ...Потом, - Мясин вытащил из кармашка клочок бумаги, - три КАМАЗа, два под тентом, один бортовой, там ящики были и человек десять волонтеров. А вот там... вот сюда прошли три БМП. Потом «Шилка» и два БэТэРа... Время я тоже записал... Мы по темноте ушли, отсиделись вот здесь... в подвале пятиэтажки. Ночью голоса слышали с улицы. Много. И по-русски говорили тоже. Вот здесь где-то, - провел он по карте пальцем маленький кружок, - они минометы поставили ночью... Утром мы пошли. Хотели выйти вот тут,- не отрываясь от карты, рассказывал Мясин. - А вот здесь наткнулись на «Шилку», и недалеко два автобуса стояли. Пошли обратно, чтоб выйти прежним маршрутом. Он же чистый был!.. – в злобном отчаянии воскликнул он. – Но вот здесь... у общаг только за угол во двор зашли, сразу слева над головами автоматная очередь, а сзади гул БэТэРа... Мы шуганулись, по двору через газон побежали, ну и... на растяжки попали. Первая рванула у Степана уже за спиной, а вторая прямо перед Колей. Третья хлопнула, когда мы уже залегли. Осколки верхом прошли. Если бы они «эфки» поставили, а не РГ-42, то нам бы всем хана...

Володя замолчал. В тишине было слышно, как сидя поодаль на лавочке, всхлипывал Миша – «сын полка», вернее – сотни. Горе его было безмерным. Он очень привязался к Николаю. Николай был его «казачьим крестным отцом»...

Где-то на второй день после прибытия усть-илимской группы в Бендеры казаки сотни рассказали, что этот смуглый паренек каким-то странным образом прибил к ним в самый разгар боев по освобождению города. И что самое интересное, пришел-то он не с пустыми руками, а с «коротышом» – автоматом АКС-74У... Тогда каждый ствол был на счету. Сказал, что забрал у убитого «румына». Всё просил взять его с собой. Поняв, кто тут главный, пристал к **Владимиру Ивановичу Рябинскому**: *«спрашивает меня, что нужно, чтоб стать казаком? Я ответил, зарекомендовать себя»*. [*1]. Парень не унимается, а что, мол, конкретно нужно сделать-то? Тогда Николай взял да шутя ляпнул: подвиг совершить! Через некоторое время вдруг заметили, что этот пацан исчез куда-то. Ну и забыли. А когда пошли уже в сторону вокзала, «румын» оттуда выбивать, слышат ляг гусениц и рев двигателя за спиной. По улице Лазо несется МТЛБ, и кто-то кричит из него. Ба, да это ж Миша – тот малец! Откуда? А тот, выскочив из люка – «Ну что, сейчас-то меня примите в казаки?» Оказалось, заели его те слова, вот он втихую и ушел со своим «коротышом», и тут наткнулся на стоящую у какого-то магазина «румынскую» боевую машину. Двигатель работал, а экипаж «освободителей» «героически» грабил магазин, таская к машине коробки с продуктами. Миша понаблюдал немного, а потом, когда один из вояк-экспроприаторов в очередной раз подошел к МТЛБ, всадил в него очередь, подбежал, схватил его автомат, запрыгнул в машину и рванул на всех газах. Вслед, говорил он, из магазина лупанули очереди – пули только поклацкали по броне...

- Парень, да где же ты такую махину водить-то научился? – с недоумением спрашивали ошарашенные казаки.

- А чё там сложного-то? – побахвалился он в ответ. – Трактора я водил, харьковские у нас были и «Беларусь», и на «ЗИЛе» ездить учился. А с группой из техникума мы как-то были на экскурсии в воинской части, так я там и в БТР, и в БМП залазил, спрашивал, что и как. Запомнил. Да там просто всё...

- Сынок, - восторженно расчувствовался кто-то из казаков, - герой ты наш, да тебе за такой подвиг орден положен!

А Николай, тут же, спохватившись, вытащил из кармана свой крест «За возрождение казачества», торжественно и под всеобщий одобрительный крик «Любо!», прикрепил его к Мишиной рубашке. Ну что тут было делать? Так, «окрестив», парня *«сразу и приняли – поверстали в казаки, а в боевую машину посадили свой экипаж. Тогда ведь каждая бронированная машина для нас была на вес золота. Кроме нескольких БТРов гвардейцев, большую часть из которых подбили к этому времени, у нас ничего не было»*. (**Рябинский В.И.**) [*1]. Миша, как на память, из МТЛБ лишь танковый шлем себе забрал...

Николай приехал в Приднестровье из Воронежа, где жил уже много лет. Но по родове своей – с Краснодарского края, там могилы его предков, там же и родители живут. Потому он и считал себя

казаком кубанским. По весне встретил под Дубоссарами своих земляков, и больше с ними не расставался.

А «наш герой», как стали его звать казаки, оказывается, приехал с матерью из-под Херсона в Тирасполь в гости к родне. А тут война... Он и рванул в Бендеры. Ни о каком возвращении не хотел и слышать. Отправите, говорил, силой – все равно сбегу. Чтоб сберечь парня, Притула оставил его при штабе, вроде ординарца, чему Миша был несказанно рад. Татьяна, часто бывая в Тирасполе, навещала его родных, обратно привозя Мише гостинцев. Его мать, рассказывала казакам «сестричка», конечно, очень беспокоилась. ...Но и гордилась сыном.

Многие казаки знали, что недалеко от вокзала, в подразделении у ТСОшников тоже «служил» прибившийся к ним паренёк. Он просился в отряд, бойцы отмахивались от него, но он не отставал, и в конце концов его приняли. Потом, говорили, его ранило...

А. Ханцевич, А. Хохлов. «Убитый город». «Комсомольская правда», 2 июля 1992 г.

«...Да, убивают и умирают другие. Такие, как Валерка. Ему – 15, сирота. Он – «сын полка» территориально-спасательного отряда в Бендерах. Оружие ему не давали – взрослым не хватает. Но в боях бывал. В одном подобрал автомат убитого.

- На меня два ОПОНовца бежали. Здоровенные. И я их одной очередью уложил. В упор.

- Не жалко?

- Не-а. Не я, так они бы меня. Но у меня реакция быстрая, как у Шварцнегера. Я после войны пойду учиться на шофера.

- Валера, а скоро закончится война?

- Нет, не скоро. Гражданские войны долго идут.

Бендерский «шварцнегер» не вышел ростом – «метр с кепкой». Трофейный 25-килограммовый бронежилет румынского образца ему по колени.

На войне не входу дипломатический этикет, и Валерка, в отличие от политиков, называет вещи своими именами: идет гражданская война.

Возможно, убитые им ОПОНовцы жили на соседней улице, ведь есть в Бендерах и те, кто поддерживает власти Кишинева. Может быть, они были молдаванами, может украинцами или русскими. Здесь раньше никто не обращал внимания на национальность. Вместе работали, пили доброе вино, а молодежь выбирала любимых не по анкетам – по сердцу. У Валерки в родне есть украинцы, молдаване, болгары, русские. Единственный близкий человек – брат, тяжело ранен, лежит в реанимации. Валерка обещает отомстить.

- Кому?

- «Румынам»...

...Затянувшееся молчание прервал командир сотни. Задумчиво, и даже как-то зловеще, тихим хриплым голосом, подняв тяжелый взгляд на Мяси́на, спросил:

- Так где, говоришь, БэТЭР у них стоит?

Те, кто давно знал Притулу, мгновенно встрепенулись, глаза их загорелись. Создалось впечатление, что каждый только что принял «на грудь» по стакану адреналина... Да и остальные оживились – вопрос сотника был более чем прозрачен, намёк понят.

Спохватившись, будто сказал что-то лишнее, сотник резко встал и, показывая пальцем, скороговоркой выпалил:

- Ты, ты и вы тоже – ко мне! Остальные свободны!

В штабе Мяси́н, как всегда в своей манере, спокойно и обстоятельно, на карте объяснил обстановку на маршрутах и близ них. Обсудили.

- Да-а, положеньице, вообще-то не ахти. Но, может, всё-таки рискнём, командир? – играя желваками, спросил командир десятки кубанцев, ему не терпелось отомстить за гибель Коли. – Кто не рискует...

- ...Тот пьёт водку на чужих поминках, – мрачно обрубил его Притула. И раздраженно добавил: – Тут не рисковать, а думать надо!.. – И ткнув пальцем в карту, вновь обратился к Мяси́ну:

- А вот на этом маршруте какая «погода»? – этим вопросом опять притянув всех к карте...

Минут сорок хватило, чтоб уточнив все детали, определиться и разработать план «карательной» операции. На сборы – час.

Когда выходили со штаба, то во дворе находилось несколько кубанских казаков, среди них, с каким-то, казалось, чужим лицом, стоял Миша, глядя суровым и решительным взглядом...

- Дядя Вова, - обратился он к Мясиному, - отдай мне дяди-Колин автомат. – И уже жестко, сквозь зубы сказал, как отрезал: - Я с вами пойду.

Он понял, зачем собирались в штабе. И все поняли, что сейчас творится в душе парня. Памятуя о его прошлом, полном бесшабашной дерзости подвиге, все, не сговариваясь, посмотрели на него, потом на сотника – что он решит?

Притула и Миша долго, не мигая, глядели друг на друга.

...Парень был уже другим – будто враз повзрослел. Взгляд его – хмурый, но твёрдый, решительный – в нём горела месть.

- Головой за него отвечаешь, - резко взглянув на Мясиного и нервно дернув щекой, глухо сказал сотник, и, не поднимая глаз и не оглядываясь, пошел дальше...

Вышли сборной группой из десяти казаков: кубанские пластуны, иркутяне, черноморцы и Миша.

До назначенного района добирались очень осторожно. Только благодаря Мясиному на маршруте никто группу не «побеспокоил», хотя она была уже непосредственно в полосе обороны «румын». На душе у Вадима было тревожно. Они с Иосифом впервые заходили так далеко за «нейтралку», да ещё в незнакомый им район. Но действия Мясиного волей-неволей вселяли некую уверенность. Если кто из разведчиков вдруг похвалялся бы своей твердокаменностью, то Вадим всё равно бы не поверил. Разведчиками, как и солдатами, не рождаются – ими становятся. В разведке всё же действуют люди, а не сверхчеловеки! Просто «работа» разведчика научила их владеть собой, проявлять, как пишут в книжках, железную выдержку. Тогда и опасность не размагничивает. И мысль, обострившись, остается четкой и собранной. Разведгруппа «Мясника» в сотне была, пожалуй, самой лучшей. Отличалась она от других своей дисциплиной, слаженностью и – никаких мелочей! Всё было подчинено этому. А в командире, несмотря на его совсем не героическую внешность, чувствовалась сильная, волевая натура. Мясиной – разведчик, как говорят, от Бога. Ветеран – он в разведке ЧКВ уже больше года. Был ещё на дубоссарском направлении, под Кошницей в том легендарном разведвзводе «Миксера».

«Аще бо и пойду посреде смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиша...»

Продвигались глубокими зигзагами, обходя опасные места. А такими местами, насколько стало понятно, разведчики считали и те, где выдвигаясь к месту, их мог «засветить» не только враг, но и оставшиеся в городе мирные жители – мало ли что. Кто знает, «красные» они, «белые» или «зелёные в желтый горошек» – всякие были. Разрекламированный в кинобоевиках якобы закон разведки, что «случайные свидетели выдвигения разведгруппы подлежат безусловному уничтожению», здесь просто никак не мог действовать! Ни по сути своей, ни по обстоятельствам. Потому и приходилось натрое подстраховываться...

Где они сейчас идут, Вадим уже не знал – запутался окончательно. Далеко в стороне от себя оставили позиции так называемой «бригады Бурбиста» – хаджимусских волонтеров, взявшие для своей кофты имя легендарного дакского царя. Эти «защитники конституции» свой «отряд самообороны» организовали ещё по весне. Но что это был за отряд? Как рассказывали, это были отъявленные бандиты-беспредельщики и мародёры. Костяк их состоял из бывших уголовников, сплотившимся вокруг «пахана-авторитета», решившего по-своему поиграть в политику. Нет, он не захватил власть, но село фактически стало жить «по понятиям» и неписанным законам «общака». В то время и в тех условиях полиция ничего сделать с этим не могла, и ... она просто ушла из Хаджимуса.

...Вот уже прошли район, пригодный разве что для натуральных съёмок апокалипсиса: обожженная, похрустывающая под ногами земля с рыжими проплешинами, среди пепла и копоты – разваленные остовы полутора десятков сгоревших частных домов и каких-то хозяйственных

построек, обугленные сады, и засохшие от невыносимого жара деревья на десятки метров вокруг, всё черным-черно...

Шли при полном молчании – за «нейтралкой» прикуси язык, и закрой рот на замок. Уши, ловящие малейший звук, тут же фильтруемый мозгом, от усердия чуть ли не шевелятся. Чем ближе к противнику, тем строже надо следить за собой. И всё замечать. И в полторы секунды анализировать. Это зона испытания на осмотрительность и выдержку. Мясин с одним кубанцем – чуть впереди. Бокового охранения справа и слева не было – это опасно и бесполезно. Ничего удивительного – здесь, в городе, своя специфика. Один из черноморцев прикрывал группу сзади – в городе идти вперед с открытой спиной было бы самоубийством.

Трусостью это назвать никак нельзя, но на маршруте Вадим чувствовал себя немного «не в своей тарелке». Как тот сказочный витязь на распутье: «Направо пойдёшь – пропадёшь, налево пойдёшь – себя потеряешь...» А идти надо!

В этом районе, на этом маршруте, казалось, Володя знает любую тропинку, каждую травинку. У него было поразительное чутье на опасность. Он, казалось, предугадывал ее, непостижимым образом сканируя пространство, или ему будто кто-то подсказывал. Впрочем, опытные разведчики чувствуют опасность, как птицы бурю. И не смеются над предчувствиями. Они в них верят. Как и в интуицию. Потому что предчувствие – это продолжение опыта. Когда видишь и слышишь гораздо больше, чем осознаёшь. Салаги, говорят, этого лишены напрочь – ничего не чувствуют. Даже за два шага до смерти.

Несколько раз, без видимой вроде бы причины, свистящим шепотом на предделе слышимости или боковым махом руки Володя давал команду быстро рассредоточиться, залечь – бесшумной тенью группа просто исчезала в заросших канавах, кустах, за грядками... И точно – несколько минут ожидания и появлялась или группа волонтеров, или ОПОНовцы проезжали. А то вдруг его рука резко взмывала вверх – стоп! Тут же вся группа резко приседала, ощетинившись стволами, замерев и слушая. Или минута-другая, и Мясин быстро уводил казаков в сторону, обходя известный ему заминированный участок. А то и неизвестный – предчувствуя его? Это было просто загадкой. Шли не спеша. Торопиться нельзя. Война торопливых не любит. Но и медлить опасно. Не торопиться и не медлить – быть осторожным, и выполнить задание. Мясину это удавалось. Пока... В произошедшем утром, он, не смотря ни на что, чувствовал свою вину...

Вышли в малознакомый район, уже где-то вглуби за Первомайской. Впереди частный сектор. Конечная цель рейда рядом.

Разведчики насторожились особо, заметно напряглись. Ни о каком инженерном обеспечении не могло быть и речи, поэтому сейчас в первую очередь мысли были о минах. Сколько их тут понатыкано? Например, противопехотные мины, именуемые «лепестками», как говорили, были разбросаны румынами с помощью гаубиц. Маленькая такая железная штучка, как бабочка, меньше ладони, а наступишь на неё – и нет ступни. Сколько уж из-за них стало инвалидов... в первую очередь среди оставшихся в городе жителей. Или вот треклятые «лягушки»? Довольно-таки премерзопакостнейшие штуки: чуть задел, они подпрыгивают и взрываются на метровой высоте – все шарики-осколки в живот...

Остаться калеккой на всю жизнь это, конечно, страшно. Но так как прошли они уже порядочно, то такое ранение, каждый понимал, станет не только срывом операции и обузой остальным разведчикам, но и, вероятно, равносильно смертному приговору. Всей группе. Потому-то, напрягая глаза, нервно вглядывались по сторонам и под ноги в надежде вовремя заметить тонкую проволочку растяжки, пятно пожухлой травы, или показавшийся из-под небрежной маскировки зелёный пластик корпуса нажимной мины.

И точно! – продвигаясь через какой-то дворик, команда – стоп! Медленно присев у тротуарчика, заваленного ветками и толстым ковром сбитых листьев, Володя осторожно снял еле заметную среди листьев растяжку. Прошли шагов двадцать – обезвредил ещё один такой сюрприз. Медленно, неторопливо. Потому как быстрее можно было... только по воздуху... и частями.

- Как говорил наш друг Винни-Пух: «Это неспроста», – покачав головой, глубокомысленно заключил он. Как уже разведчики знают по опыту: там, где установлены эти все сюрпризы, пройди ещё немного, и у «румын» – беспечность...

Уже на подходе к месту разделились на две группы. Одной была поставлена задача выйти через огороды в тыл позиции «румын», где разведгруппой до того был замечен БТР – ужами скользнув в

зелень травы и кустов, казаки будто растворились. Не зря Кубань издревле славилась пластунами! Другую, мимоходом бросив через плечо бессмертную фразу из наследия вождя мирового пролетариата, и сымитировав его голос: «Мы пойдём другим путём» – юморист, однако! – Мясин повёл к «общаге».

Из сообщений, переданных горожанами в штаб обороны г. Бендеры. 2 июля 1992 г.

«00.05. Из района с. Хаджимус ведется огонь из двух орудий по шелковому комбинату.

10.35. На площади возле автовокзала (центр) в результате минометного обстрела погибло шесть человек.

11.25. На территорию консервного завода прибыло десять единиц бронетехники.

11.35. В районе шелкового комбината идет бой.

12.05. Горит пятиэтажный дом около хлопкопрядильной фабрики.

13.10. В районе маслоэкстракционного завода стоят семь единиц бронетехники Молдовы.

14.30. Горят общежития мясокомбината и обувной фабрики.

15.20. Идет артиллерийский обстрел м/р-на шелкового комбината.

17.20. Со стороны кинотеатра «Дружба» ОПОН ведет огонь из пушки по ул. Первомайской»...

[*1].

...Позиция была более чем выгодная. С верхнего этажа побитого, немного подгоревшего и изрядно пограбленного, оставленного жильцами, пятиэтажного общежития, куда казаки поднялись, забравшись внутрь через выбитые окна первого этажа, расположение «румын» просматривалось прекрасно. Свежевырытые, и весьма неумело оборудованные окопы виднелись метрах в семидесяти. Чуть подальше в глубине небольшого сада у стены белокаменного, почти не тронутого войной дома, стоял, сияющий новизной, БТР-80. На их позиции царило благостное настроение и полное разгильдяйство. Волонтеры, разморенные солнцем и безмятежной тишиной, просто маялись от безделья. Было видно, что эти «защитники конституции» с белыми повязками на рукавах (отчего их иной раз называли «белыми»), изрядно хлебнули «хмелька».

«Ну, совсем страх потеряли, ведут себя как «хозяева жизни» на курорте», - подумалось Вадиму.

Но место для своего поста волонтеры выбрали «хлебное» – прям как завзятые ГАИшники, подумал Вадим, – на дороге, к которой выходило еще два проулка. Время от времени на дороге появлялись то старики, то женщины, идущие с корзинами, сумками, видимо, возвращавшиеся с огородов. Вот тут-то волонтеры, до этого беспечно фланировавшие перед окопами, мгновенно преобразались – суровость на лицах, грозный окрик, лязганье затвора... и под видом проверки документов и всего подозрительного, начинали «обыск». Грабили без зазрения совести. Отбирали все, что понравится. За малейшее проявление недовольства – удар, одному старику прикладом автомата лицо разбили в кровь... Потом смеялись, часто прикладываясь к бутылке, отхлебывая вино из горлышка. Это они так от скуки забавлялись... [*1].

А. Бендерский. «Там где жили самые гордые русские». WWW. ArtOfWar. RU.

«...Они творили неопишутые вещи, избивая, издеваясь и насилуя, грабя и вывозя всё, что попадалось на глаза и под руку. Оставляя после себя только осколки и щепки от того, что ещё недавно называлось нашими домами. И только дерьмо, оставленное ими после себя, напоминало нам о том, что они называли себя людьми, хозяевами этой земли, теми, кто считает себя выше нас. Говорили даже о том, что их сторонники – регулярная молдавская армия и ОПОН не могли смотреть на них без омерзения. Они точно этого заслуживали... Волонтёры. Так они себя называли».

Казаки уже около часа наблюдали за ними. Мясин, набросив на голову кусок марли, выкрашенный зеленкой, чтоб оптика не давала блика, из глубины комнаты в бинокль прошарил всю ближайшую территорию. Волонтеров было пять человек, с ними трое полицейских в черной с желтыми буквами «POLICIA» на спине форме.

Как ни вглядывался Мясин в каждый кустик и бугорок, но пластунов-кубанцев он так и не заметил.

Пока вели наблюдение, один из казаков аккуратно снял на лестничном пролете, в коридоре и с внутренней стороны входной двери общежития три растяжки – «румыны» все же хотели себя обезопасить...

Как и условились заранее, чтоб не демаскировать группу, выходя с ней на связь, Вадим пальцем три раза пощелкал по микрофону, потом еще три...

- Слышу тебя. Говори, - приглушенным голосом откликнулась радиостанция.

- У меня восемь «белых». Как у вас? Вы где?

- Во дворе. За углом. В доме четверо или пятеро. С ними большой «калаш» с коробкой - ротный. БэТэР пустой. Люки открыты. Мы готовы. Когда начнем?

- Скоро. Нам люди мешают, - ответил Вадим пластунам. - Готовность сообщу. Отбой.

В это время волонтеры остановили вышедшую из проулка недалеко от окопов молодую женщину с детской коляской и большой сумкой. Видимо, несла продукты. Один стал якобы проверять документы, другой, мельком заглянув в коляску, начал привычно рыться в сумке. Подошли еще двое «освободителей», что-то сказав, заржали. Казаки увидели, как волонтеры схватили упирающуюся женщину за руки и потащили к окопу. Когда с нее стали срывать одежду, она начала кричать, а в коляске испуганно заплакал ребенок.

Но вот кто-то показался на дороге, волонтеры у окопа ему сразу закричали, показывая автоматами, что тут проходить нельзя.

Ну чем тут могли помочь казаки? Стрелять нельзя – можно зацепить и женщину, и ребенка в коляске. С каждой минутой в душе нарастала горячая злоба. Миша, сжимая побелевшими пальцами Колин автомат, видел все это через окно пятого этажа. Он был потрясен.

- Запомни, Миша, это – лицо фашизма, - тихо сказал, играя желваками, сидевший рядом кубанец, которому Мясин поручил беречь и опекать пацана. [*1].

- На, Миша, наверни... - Вадим протянул ему «стакан» и, достав из подсумка вскрытую пачку, ссыпал пригоршню «белых семечек» – холостых патронов, прозванных так из-за фторопластовых пуль белого цвета. – И еще вот, возьми, пригодится, – положил к его коленям три гранаты РГД-5.

Эти, так называемые «стаканы», изготовленные на одном из заводов Тирасполя, были для защитников Приднестровья настоящей «выручалочкой» – наворачивались на ствол автомата вместо дульного тормоза-компенсатора, внутрь плотно до буртика запалом вперед вставлялась РГД-5, при этом рычаг поджимался приваренным к корпусу «стакана» стопором. Выдергивай чеку и все – выбирай цель да стреляй! Правда, в магазине должен быть холостой патрон. Все манипуляции занимали несколько секунд, но зато граната улетала метров за пятьдесят! При этом «стакан» абсолютно не мешал вести огонь и боевыми патронами, только звук выстрела усиливался немного, и ствол автомата из-за снятого компенсатора чуток уводило.

- Остайся с Мишей здесь, прикроете сверху, - сказал Мясин кубанцу, и тут же, шутливо сделав гневное лицо, пригрозил: – Смотри у меня, Мишка!

Видели, парень заметно волновался, хотя изо всех сил старался быть внешне спокойным. Выдавали глаза, они были сильнее, чем обычно, настороженны и подвижны.

Уже обращаясь к Вадиму, Володя сказал: – Передай: готовность пять минут. Начинаем по первому взрыву. Сразу все! Ну что, хлопцы, пошли вниз? – обвел всех взглядом. – С Богом!

Мясин с двумя казаками спустились на первый этаж, и через окна буквально перетекли во двор. Михайлов с Брагиновичем дошли до второго этажа, и в одной из больших комнат, где всё было перевернуто вверх дном, присели по углам у подоконника и приготовились к бою, расстегнули кармашки подсумков и «лифчиков». Иосиф наверху на ствол «стакана», разложил на край тумбочки гранаты. Вадим несколько раз глубоко вздохнул, успокаивая сердцебиение, опустил зеленую марлю на лицо, и краем глаза выглянул в окно...

Натешившись, волонтеры и полицаи отпустили женщину. Она, держа в руке обрывки платья, вытащила из коляски пеленку и, кое-как прикрывшись этим, взяла коляску и плача, пошла... Эти же мерзавцы, стоя в окопе и на дороге, разобрав продукты из ее сумки, глядели ей вслед, и громко переговариваясь, пьяно ржали...

Ну, тут им и дали!!!

Тишина летнего дня с треском разорвалась – выстрелив из «Мухи», Мясин не промахнулся – граната рванула прямо у ног двух волонтеров, что стояли на дороге. Они, показалось, как-то нелепо

подпрыгнули над лопнувшей под ногами вспышкой и взметнувшимся сизым клубом пыли и дыма, и будто сломавшись, рухнули на дорогу. И в тот же миг – шквал автоматного огня и череда взрывов!..

Стоявшие в окопе были сразу буквально выкошены неимоверной плотностью огня. Они даже не успели сообразить, не только откуда стреляют, а что их убивают – рухнули, не сделав ни одного ответного выстрела. Вот, безвольно выронив автомат, у окопа кубарем свалился ещё один, и тут же затих. Другого, свинцовым ливнем, ударившим в грудь, просто отшвырнуло назад, взмахнув руками, будто пытаясь зацепиться за воздух, он завалился, спиной ломая какие-то кусты. Отчаянно выгнув спину и выкручиваясь, будто желая укусить себя за лопатку, как подломленный упал один из полицейских. Взрыв – и у крыльца с душераздирающим воем осел другой, схватившись за разорванное брюхо...

Стоящий недалеко от окопов дом, дважды ухнул внутри, будто вздрогнул – осколки оконных стекол брызнули на улицу!.. Это, швырнув гранаты, в бой вступили кубанские пластуны.

Увидев, как из-за домика выскочили двое кубанцев и кинжальным огнём ударили во фланг, над окопом взвизгнул и тут же оборвался истеричный крик: «Казаки!..» Какой-то волонтер, видимо, ошарив от страха, и в панике бросив оружие, в полный рост сиганул к торцу «общаги». Но его спринтерскому забегу помешала граната, выпущенная Брагиновичем – сизый хлопок взрыва, отшвырнув в сторону, брякнул волонтера на землю...

Вадим, краем глаза замечая, как Иосиф только успевал вскидывать ствол с очередной гранатой в «стакане», прицельными очередями поливал окопы автоматным огнем.

«Всё! Вперёд!..». И они, перепрыгивая через ступеньки, рванули вниз, на ходу меняя магазины. Мясин с двумя казаками с одной стороны, а кубанцы с другой, не переставая на бегу бить из автоматов, были уже почти около окопов...

О, если б можно было остановить это, исполненное ратного величия и дерзости, мгновение – вот была бы картина! Ярость, стремительный, неотразимый натиск и всеунитожжающий огонь!.. Подвластна бы была динамика этого боя кистям художников-грековцев, баталисту Верещагину, этому непревзойденному певцу-трагику войны, и смог бы это нанести на холст великий Суриков – художник-историк и енисейский казак?..

...Казаки били, вымещая на врагах клокотавшую внутри ненависть, мстя за Колю, за всех погибших товарищей, за горе Бендер, за все издевательства над его жителями, за только что пережитое липкое и гадкое чувство стыда из-за так и не предотвращенного ими преступления, за всю несправедливость!.. За всё!!! На, сволочи!.. Получай!!!

А сверху, из-под крыши, перекрывая короткое и частое грохотание АКМа кубанца и непрерывный стрекот автомата, что был в руках у Миши, неся злобный, срывающийся на фальцет и вой, мальчишеский крик: - Гады-ы!!! Га-а-ды-ы!..

Треснув штакетником ограды, ворочая стволом пулемета, грузно качнувшись над канавой и подсвистнув турбиной движка, на дорогу вырулил БТР. Есть - взяли его!

...И стало тихо. Всё, бой закончен! Да и не бой это был, а скорее бойня. Молниеносная и безжалостная. Казакам показалось, что «румыны» даже и выстрела не успели сделать. И никто из них не ушел... В окопах и рядом зрелище было ужасным... Это была кара, вот оно – возмездие!

- Все целы? – спросил запыхавшийся Мясин, и тут же приказал: – Быстро собрать в БЭТЭР все оружие! Быстро!!! На броню, и мухой валим отсюда!..

- Дядя Вова, - услышали все Мишкин голос, когда закидывали в «броню» уже последние собранные автоматы, - а это чё за гнутые коробки? Надо? Тут ещё ящик какой-то...

***«Круг замыкается, братья-славяне!
Дело имеем с врагом.***

С теми, кто в братство ли,

Рабство нас тянет,

К тем, кто учил их кнутом.

Выродкам мы сокращаем дорогу.

Выродков надо карать.

***Мы за славянскую кровь спросим строго
Ложнорумынскую рать!***

Славою Жукова, славою Суворова

Право дано это нам:

Уничтожат озверевшего врага

Всем нам, славянским сынам!

Мы будем правыми под небесами,

Коль после всяческих мер –

«Тише, ораторы! Слово за Вами,

- Ого! Еще бы! Это ж мины! МОН-«полста»!
 ...Комплект! Давай, станичники, это тоже!..
 Скор-р-рее!!!

Вспорхнули на броню. Сверху поставили трофейный, доставшийся с тремя коробками лент, ПКМ - пулемет Калашникова, который ещё называют ротным, и считающийся вроде

бы как станковым. Патроны – калибр 7,62x53 мм, винтовочные – более мощные, чем автоматные. Серьёзное оружие. Но – ох, и тяжелая железяка, снаряженным почти пудик весит...

Прихватив с собой найденную «на поле боя» уцелевшую коричневую коробку полевого телефона и армейскую катушку провода, деловито прокомментировав: – ...В хозяйстве пригодится, – Мишка полез внутрь БТРа. Казаки лишь улыбнулись столь хозяйственному «ординарцу».

...Только отъехали, закурили, жадно и глубоко затягиваясь, чувствуя, как устали. И вдруг!.. В общем, и минуты не удалось не то что отдохнуть, но и передохнуть, перевести дыхание. Кто-то из казаков, дымя сигаретой, оглянулся и тут же резко крикнул: – Гляньте!!!

Все мотнули головы назад – примерно в километре от них с пустынного пригорка на дорогу, медленно и покачиваясь, выруливала большая грузовая машина.

В кровь вновь мощным потоком ударил адреналин – опасность! Побросав курево, казаки на броне заёрзали, проверяя оружие, вновь защелкали затворы.

- Жми! Жми всюю!!! – крикнул в люк Мясин. - «Фил», что там?! – проорал он Вадиму, увидев, как тот вскинул к глазам бинокль.

- «КАМАЗ» это – «Сайгак». В кузове зенитка... два ствола – ЗУ-23-2, и расчет там... или десант! ...Человек десять! – Громко, почти крича, и срываясь на маты, ответил Михайлов.

«Да, только этого нам не хватало! – Не на шутку занервничал Вадим. – Сейчас подъедут к окопам – все сразу станет ясно, рванут следом! Ведь БТР-то, отъезжающий оттуда, явно видели! Выедут на прямой участок, – а у ЗУшки дальность прямого выстрела два километра! – и тогда от их пушек нам... писец придёт. Но не тот, который северный пушной зверёк...»

- Жми, Саня, жми!!! – кричал водителю Мясин, часто тревожно оглядываясь, и спустя минуту: - ...Вон до тех деревьев! Видишь? Там поворот... за ним поверни и тормозни! Мы спрыгнем!.. А ты влево! ...Подстрахуешь нас из проулка! Понял?! – Прошло несколько секунд, и он, протянув руку, опять поднырнул в люк: – Мишка, катушку сюда!!! И коробку из ящика! Вот эту!!! – и уже казакам, сидящим на броне: – Держите!!! И ремни с автоматов!.. Все! Быстро снимай!!!

БТР ревел, как истребитель, нёсся, показывая всю свою мощь! Слышан был лишь сдавленный броней свист газотурбинного двигателя, и гул резины колес, крупный протектор которых был всё же несколько не рассчитан на езду по асфальту. Покачиваясь на броне, казаки вцепились, кто за что мог, чтобы не сверзнуться с этой раскаленной зелёно-матовой верхотуры. Подлетев к какому-то скверу, бронетранспортер вильнул и тормознул так, что все чуть не посыпались вниз. И тут же спрыгнули на землю. А Мишка изнутри отбросил крышку бокового люка. Мясин выхватил оттуда, как вырвал, мину, сгрёб что-то из ящика комплекта, и кинувшись к деревьям у дороги, крикнул:

- Берите, и за мной! Делай, как я! – оглянулся и: – Мишка, назад!!! В БэТЭР!.. - от души послал в его адрес заряд крепкого матерка.

Вмиг схватив оставшиеся три мины, казаки сломя голову бросились вслед, поняв, что надо делать. Быстро – а быстрее и быть не может! – ремнями притянули их к стволам деревьев, направив в сторону дороги, затем отбежали вглубь сквера и залегли в кустах, издали наблюдая, как Володя, размотав провод и что-то колдуя-делая, перебежал от мины к mine. Мины эти – МОН-50 – противопехотные осколочные, направленного действия. Корпуса у них по горизонтали выгнутые, посему разлёт осколков по высоте невелик. А осколки, то есть поражающие элементы – сотни малюсеньких металлических шариков!..

Вмиг приготовили к бою «новенький» пулемет, стволы автоматов уперли в сторону дороги. Вжавшись в землю, затихли. Опять, как всегда перед боем, слегка начал бить мандраж – адреналин буквально бушевал в крови. Сердце стучало как сумасшедшее, по спине пробежал холодок, а в животе опять стало пусто...

Наш депутат БТР!»
Прежде, чем сметь стать врагами России,
В прошлое глянуть бы вам:
Если уж двинется русская сила –
Поздно молиться богам!..»

Владимир Рассохин, г.Тирасполь. 1992г.

«КАМАЗ» приблизился быстрее, чем думали. Стволы зенитки, будто что вынюхивая и высматривая впереди, чуть рыскали по ходу. Расчёт её – трое в черной форме. А из-за дополнительно обшитого металлом высокого борта кузова, ошестинившись автоматами, шляпками маслят торчали несколько касок – на них лишь успели заметить белые полосы.

И тут ка-а-к!.. Взрывы грохнули почти одновременно. Сквозь разлетающиеся листья, ветки, щепки и сизый дым все увидели, как взрывом и вихрем осколков расчет и десант из кузова буквально смело. «КАМАЗ», резко вильнул влево, с грохотом влетел в канаву, подпрыгнул и, завалившись набок, зачадил. В тот же миг, откуда-то справа, непрерывно бухающей очередью, вспарывая борта кузова и металл защиты зенитки, разрывая в лохмотья жесть кабины, по грузовику ударил из «крупняка» БТР, укравшийся в «зелёнке»...

Казаки, честно говоря, были просто ошеломлены. Даже не успели сделать ни единого выстрела. Ещё шуршала опадающая на землю сбитая листва, как первым с земли подскочил, лежавший впереди всей группы, Мясин.

- Бегом! На броню! – уже на бегу крикнул он. И тут же, дав в сторону опрокинутого и загоревшегося уже грузовика очередь, скомандовал: – Огонь!..

Поливая автоматными очередями противника, разбросанного взрывом вдоль дороги, казаки пробежали мимо «КАМАЗа». Лишь мельком взглянув на эту «картину маслом», были поражены: те мины и «крупняк» БэТэРа никому никаких шансов уцелеть не оставили – убиты были все! ... Окровавленные, растерзанные тела – это было страшное зрелище!

Вскоре группа, сидя на броне и ошестинившись во все стороны стволами, более без приключений, въехала в «нашу» зону, приближаясь к рабочему комитету.

«...Яко на Мя упова, и избавлю и; покрою и, яко позна имя Мое...»

- ...Володя, ну откуда ты эти мины-то знаешь? – «докапывался» до Мясина кто-то из казаков.

- Да я же срочную «за речкой» «у сіла Баграмовка, шо на Афганщине», как говорил мой замкомвзвод, «кротом», сапёром то есть, в разведроту служил, - улыбаясь во всю ширь лица, ответил он. – А уж потом – прапором в Парканском батальоне...

Солнце уже подсаживалось к горизонту, когда их БТР свернул на улицу Лазо. И чем ближе к «дому», тем радостней и светлей становились их лица – все улыбались. Душа их буквально пела: мы живы! мы с победой! А увидев привокзальную площадь: – Всё, братцы, мы дома! – от переполнявших эмоций, запели – почти заорали! – «свою»:

- ...Под двуглавым орлом мы в атаку пойдём,

Как ходили в былые века, и Суворов живой

За Тирасполь родной поднимает на бой казака!..

Так, с песней, несмотря на начавшуюся невдалеке «плановую вечернюю» стрельбу, и подъехали к «Тигине», где у заборчика, выбежав на песню и свистящий рев двигателя, их уже встречали несколько казаков. Тогда многие, наверное, впервые увидели сияющую улыбку сотника Притулы.

Вся операция – от порога до порога – заняла чуть больше шести часов. Да и назвать это операцией можно довольно условно. Это – так лишь, бой местного значения...

Всё произошедшее могло бы показаться до затёртости классическим сюжетом почти голливудского боевика-вестерна под названием типа «Белое солнце Молдовы» со всеми присущими ему атрибутами – плохими парнями с их «беспределом», и парнями хорошими, мстящими за гибель друга, стрельбой, засадами и погоней, и обязательным хэппи-эндом. Очень похоже, если бы... Впрочем, верно: ударной дозой долбанувший в кровь адреналин, какое-то время ещё продолжал держать парней в том странном состоянии, называемом ими «ощущением кино» – будто взгляд со стороны. Но ощущение, – что по странной прихоти судьбы в данном эпизоде «приднестровской эпопеи» им выпал жребий сыграть главные роли. Вот только не было видно крикливого режиссера, не было ни дублей, ни статистов, пиротехники, бутафории, киновари... – всё по-настоящему. Да и вот он, тот самый БТР, по борту которого ныне, как призыв, шли слова: **«ПМР. ЧКВ. ЗА БРАТКОВ НАШИХ!»**...

«ПРИДНЕСТРОВЬЕ: Оперативная сводка». «Днестровская правда», 3 июля 1992 г., N150 (7837).

«Бендеры. Днем в среду и до четырех часов утра здесь периодически вспыхивали перестрелки. Не прекращался обстрел города формированиями Молдовы. Точными сведениями о масштабах разрушений и количестве жертв штаб обороны пока не располагает».

А через два дня провожали Татьяну и Мишу, поехавших сопроводить на Кубань Николая. С ними поехала и Мишина мама. Тепло, как с родными, простились казаки около штаба с Таней и Мишей.

Некоторые из пришедших туда казаков, не без доли удивления, но и не без гордости, признались после, что смотрели на сотенного ординарца, на его такое знакомое, опаленное солнцем лицо с ниспадающей на лоб челкой с непокорным вихром, и словно не узнавали

его – он будто стал намного старше. Он как-то вытянулся, точнее – весь подтянулся, будто вырос. И взгляд его стал... – из глаз напрочь исчезло мальчишество. Тот памятный день безжалостно стер с лица некую неопределенность черт, присущих многим юношам его возраста, обнажив мужественную и дерзкую красоту настоящих, прошедших через пули и опасности, воинов.

Давно подмечено, на войне быстро взрослеют. Война превращает мальчишку в мужчину. Вне зависимости от возраста. Мужчину делают пережитые испытания, а отнюдь не возраст. Сейчас Миша в свои неполные шестнадцать лет во многих смыслах был более мужчина, чем тусующийся московский тридцатилетний пижон из когорты «золотой молодежи».

...До свидания, Миша! В боях за Бендеры ты был не «сыном полка», а младшим братом нам, стал настоящим казаком! Спасибо матери за сына! Она вырастила настоящего мужчину!

Дай Бог счастья тебе, наша дорогая сестрѐнка Танюша!

Прощай, Коля! Мы отомстили за тебя! Пусть будет пухом земля родной Кубани! Царство тебе Небесное, слава и вечная молитвенная память!

«За период с декабря 1991 г. по июль 1992 г. в обороне Приднестровья участвовало 125 казаков Всекубанского казачьего войска, 5 кубанских казаков погибли, 18 ранены». (А.С. Боговид). [*3].

**...Мы в детстве с тобой не играли в войну -
Смерть стояла у нас перед глазами,
И никто не поставит нам больше в вину,
Что на взрослых мы сдали экзамен.**

А. Казаринов. 1997 г.